

Введение

Существует тонкий слой между тривиальностью и недоступным. Именно в этом слое и делается наука.

А. Н. Колмогоров

Цель книги, которую вы держите в руках, не в том, чтобы расставить все точки над *i*, а в том, чтобы предложить читателю альтернативы, помочь ему в выборе приоритетов, уточнении критериев и ориентиров в его продвижении к пониманию изучаемого предмета или явления.

В данной книге я предпринял попытку структурировать множество разноплановых аспектов развития психологии труда как научной дисциплины, опираясь на один из вариантов системного подхода — «пентабазис» В. А. Ганзена (1984). Соответственно все обсуждаемые вопросы будут по возможности рассматриваться через призму четырех основных координат:

- времени (динамика изменения состояния системы «субъект — объект» на протяжении XX в.);
- пространства (контексты, масштабы — изменения физического и психологического пространства профессиональной деятельности субъекта на конкретном рабочем месте и вне его);
- энергии (развитие человека как активного субъекта, сопряженное с развитием общества в целом, функциональные состояния организма и продуктивность деятельности субъекта и др.);
- информации (развитие научного представления о человеке как о субъекте деятельности и его роли в культурном и технологическом пространстве организации предприятия, о содержании жизненной активности человека).

Примером динамики предметной области психологии труда, фиксируемой координатой *времени*, может служить сдвиг феномена профессиональной пригодности, которую в конце XX столетия рассматривают уже не как совокупность способностей человека, а как *метасистему* «человек — профессия».

Примером выраженной динамики в *пространстве* могут быть фиксируемые феномены перераспределения трудовых функций в контактных группах, структурирования субъективного пространства деятельности и др.

Энергетический аспект ярко представлен в изменениях на протяжении столетия представлений о сущности человека, о типах кадровой политики, в появлении новых интегрирующих понятий: самоактуализация, самореализация, самодетерминация, личностный рост, компетентность, потенциал и др.

К *информационному* аспекту исторической динамики труда можно отнести удлинение этапа ученичества и развитие интеллектуальноемких технологий, обуславливающих, в частности, этапы профессиональной карьеры субъекта труда, системы профессиональной подготовки и переподготовки, формы профессиональной реабилитации и многое другое.

Психология труда (психотехника, индустриальная психология, промышленная психология) — одна из первых и базовых психологических дисциплин, сыгравших серьезную роль в становлении психологии как науки и прикладной отрасли. Почти вековая ее история и логика развития, очевидно, уже обретают самоценность. В учебном пособии сделана попытка отразить как особенности взаимодействия психологии с другими дисциплинами, с развивающейся социальной практикой, так и ее динамику, возможные перспективы, актуальность поиска «метаязыков» описания различных научных феноменов. Одной из таких развитых методологий и систем отношения рабочих понятий является *синергетика*.

По мнению Д. И. Менделеева, наука начинается с того момента, когда она начинает использовать язык математики. Как и всякую глубокую метафору, эту мысль не следует интерпретировать буквально и однопланово. Даже в точных науках соотношение разных языков описания изменялось с течением времени. Важнее скорее другое — признание, что и в гуманитарных науках образец, образ, метафора и тому подобное являются лишь одним из возможных способов познания, сохранения, передачи научного знания. Эти способы отнюдь не исключают использования других возможностей, средств, первоначально разработанных в других дисциплинах. Следует также отметить, что *современная психология* реализуется в системах разных языков описания феноменов, в двух метапарадигмах — сциентистской и гуманитарной.

Следовательно, одной из актуальных задач *современной психологии труда* является решение вопроса многообразия языков, обеспечивающих более глубокое понимание процессов, происходящих в системе «субъект — объект». Адекватное понимание процессов, составляющих предмет изучения психологии труда, может быть достигнуто как уточ-

нением зоны адекватности уже используемых, так и привлечением новых для дисциплины языков описания ее феноменов. Например, мое обращение в настоящем пособии к *количественным показателям* может способствовать более адекватному восприятию качественных «переменных» труда человека, диапазонов допустимых колебаний и границ устойчивости системы «человек — техника», их исторического изменения. Такой методический прием, на мой взгляд, позволяет дополнить традиционное изложение предмета, уточняя меру вариативности обсуждаемых составляющих системы «человек — профессия».

Обращаясь к одной из основных тем книги, нужно отметить, что *расширяющаяся и углубляющаяся взаимосвязь психологии труда с другими научными дисциплинами* расставляет новые акценты, создает новые области исследования, новые подходы и методологию. Так, на рубеже веков появляются новые интегральные дисциплины, тесно взаимодействующие с психологией труда: андрогогика, андрология, акмеология, психология профессий и др. Все теснее становятся связи с «классическими» дисциплинами: социологией, культурологией, психологической антропологией, едва ли не со всеми другими отраслями психологии: социальной, дифференциальной, психологией личности и др. Дальнейшее возрастание сложности профессионального труда человека, с одной стороны, а с другой — развитие психологии в целом, ее *методологического и методического инструментария* задают новые аспекты и делают возможным корректное изучение сложных социально-психологических феноменов с последующим использованием результатов исследования в социальной практике.

При написании учебного пособия я стремился представить материалы учебного курса так, чтобы, с одной стороны, выделить и уточнить новые тенденции развития дисциплины в новых социальных условиях, с другой — обозначить и отразить реальные возможности использования ее базовых компонентов для построения новых кадровых и психологических технологий при работе с персоналом конкретной организации в полном объеме и в предельно возможной перспективе.

Преемственность традиций в изложении настоящего курса «Современная психология труда» выражается в сохранении всего ценного, что было сделано нашими старшими коллегами. Поэтому в формулировках основных положений дисциплины, ее понятийного аппарата активно используются работы признанных специалистов. Особое внимание в пособии обращается на характер использования понятий «*труд*», «*деятельность*», «*трудовой пост*», «*рабочее место*», «*профессиональная деятельность*», «*субъект*», «*профессионально важные качества*» и др., которые студенты и слушатели встретят и в других учебных курсах

в процессе своего обучения. Вместе с этим в тезаурус предмета вводят-ся новые понятия, давно активно используемые в других психологиче-ских дисциплинах (*пространство, окружение, среда, экология, струк-туры, диады, триады* и др.).

Задача настоящего пособия мне видится не в повторении, а в допол-нении, в выстраивании комплементарного, *дополняющего подхода* в из-ложении тем учебного курса. Я полагал, что иной полюс освещения психологии труда будет способствовать целостности ее восприятия в настоящий период ее развития, акцентируя внимание именно на *раз-витии дисциплины*, а не на противоречиях отдельных концепций. За этим приемом стояло желание побудить думающего читателя к гибкости в поиске адекватных средств построения своей «системы психологии труда» уже потому, что учебное пособие написано *сегодня* на основании *вчерашнего опыта*, а использовать полученные знания читателю пред-стоит *завтра*.

В начале XIX в. можно было говорить о становлении метанауки, «логосферы», ориентирующих на обращение к новой методологии от-дельные дисциплины, ее дочерние ветви. В этом свете надежными ос-нованиями работы ученого и практика должны становиться уже не только наборы «правил», но и внимание к контекстам, опора на «не-явное знание», на интуицию, на научную культуру. Содействие их формированию, пожалуй, должно быть главной целью каждого учеб-ного пособия.

Атрибут науки — ее многозначность. Я стремился напомнить о су-ществовании в науке множества разных «координат», позволяющих оценивать фрагменты реальности. «Все великие истины характери-зуются тем, что суждения, противоположные им по смыслу, тоже являются великими истинами», — заметил великий физик Нильс Бор. Полагаю, что вдумчивому читателю достаточно будет намек на неодно-значность многих положений любой науки. Свое критичное отношение к ряду вопросов я перенес в конец глав, в раздел «Парадигмы».

Изложение основных разделов настоящей книги построено на стрем-лении следовать традициям. Нередко основные разделы дисциплины раскрываются и поясняются *большими фрагментами* из работ коллег, авторитетных специалистов, а ссылки на литературу позволят читателю обратиться к первоисточнику. Периодически раскрытие содержания вопроса достигается здесь авторской интерпретацией некоторых усто-явшихся понятий и представлений, попыткой побудить *читать между строк*.

Еще одна важная тема в изложении учебного материала — *единицы научного знания*. В отечественной психологии проблема «единиц

психического» разрабатывалась Л. С. Выготским, А. Н. Леонтьевым, С. Л. Рубинштейном и др. Все более возрастающий динамизм развития общества, быстрое устаревание профессиональных знаний, назревающая необходимость многократного обучения и переобучения на протяжении трудовой жизни человека делают крайне важной такую структурную и содержательную реорганизацию научного знания, которая не теряла бы своей ценности в процессах исторического возрастания объема информации. Важной составляющей такой структуры могли бы стать «единицы научного знания», в настоящей работе названные *хронотопами*.

Итак, основными *методическими приемами* изложения материала в данном пособии, позволяющими мне полнее отразить исторические срезы научного знания, выступают:

- хронотоп знания;
- петит;
- NB (лат. nota bene — «заметить хорошо»);
- системные триады и тетрады;
- фрагменты;
- парадигмы.

Я полагаю, что важной составляющей новой системы знания могли бы стать своеобразные исторические «моменты развития», фиксирующие в себе, с одной стороны, акцентируемые учеными особенности предмета, явления, процесса, а с другой — не учитываемые ими, остающиеся без должного внимания временные, пространственные, информационные, энергетические аспекты, от которых почему-то абстрагируются при описании феноменов. Такие единицы, *абстрагированные* от одних и *связующие и организующие* другие разнородные массивы знаний, придающие им *инвариантность*, условно назовем *хронотопами знания* — закрепленными во времени и пространстве типичными восприятием и отражением действительности учеными, обусловленными как стадией развития социального феномена, так и ограничениями научных парадигм, доминирующих в обществе идей, характером социального заказа и т. п.

Хронотопы знания рассматриваются нами как спонтанно складывающиеся в недрах науки исторические формы отображения действительности. Их образцами могут служить описания психogramm, типовых схем профессионального отбора, структура психодиагностических методик, концепции и трактовки функциональных состояний, профессиональной карьеры, кризисов, периодизации развития и многое другое. Задача выделения исторических форм отображения в том, чтобы суждения

каждого ученого рассматривать в обрамлении конкретной исторической ситуации и культурной матрицы. Хронотоп также выступает средством концентрированного воплощения *неклассической парадигмы* в психологии.

Petum как методический прием используется для подачи больших литературных ссылок и авторских критических суждений. Такие разделы следует рассматривать как обозначение ряда неявных контекстов, которые сложно и едва ли возможно интерпретировать однозначно.

NB (nota bene) — краткие замечания о важных контекстах представленного выше фрагмента. Они чаще относятся к какой-то особой области, предполагающей знание истории, понимание сущностных свойств объектов, важных особенностей межличностных отношений и др., то есть это все то, что образно можно назвать чтением между строк. NB — это своеобразные подсказки, обозначения сложности и глубины явления, требующие внимания читателя к неброским деталям.

Системные триады и тетрады. Внимательный взгляд на содержание научного объяснения разных явлений обнаруживает множество условностей, вплетенных в мировоззрение людей каждой исторической эпохи, составляющих внутреннюю ткань разных форматов восприятия. Одним из таких методических, методологических и даже мировоззренческих ограничений является *бинарный* подход к познанию сущего. Простейший вариант расщепления целого — *дихотомия, бинарная оппозиция, или диада*. Этот способ анализа как интеллектуальный инструмент познания сложного в истории человечества стал доминирующим, хотя и содержит в себе принципиальные ограничения. «Деление мира явлений на пары противоположностей — это... принудительный шаблон мышления, присущий человеку с древнейших времен» (К. Лоренц).

Более адекватным описанием сложных реалий мира могут выступать трех-четырёхкомпонентные структуры — *триады, тетрады и пентады* (дальнейшее возрастание числа составляющих целого при его расщеплении в сравнении с триадами уже не дает того весомого приращения, какое дают триады в сравнении с диадами). В широком смысле триада — это совокупность из трех элементов, связанных между собой (Баранцев, 2003, с. 26). Различают следующие типы триад: линейные (например, дивергенция — параллелизм — конвергенция; левые — центр — правые); переходные (гегелевские: тезис — антитезис — синтез); системные, единство которых задается тремя элементами одного уровня, причем каждый из них может служить мерой совмещения двух других. Все три составляющие потенциально равноправны.

Системная триада есть простейшая структурная ячейка синтеза. Операция *дополнения* ведет к замыканию в системную целостность, к объединению, к синтезу. Обратная операция — *трихономия*, различение одновременно трех аспектов целостной сущности, то есть нахождение недостающего в дихотомии компонента.

В философии различают гносеологию, аксиологию, онтологию, а в предметном пространстве соответственно познание, ценность, сущее. В биологии триада эволюционной теории — это изменчивость, отбор, наследственность. В семиотике Ч. Пирс различал синтактику, риторику и семантику. В палеонтологии выделяют гоминидную триаду: прямохождение, приспособленную к тонкому манипулированию кисть, относительно крупный мозг.

Приведу примеры интуитивных описаний фрагментов психологической действительности посредством *системных триад*. Базовые категории психологии: отражение — деятельность — общение (Б. Ф. Ломов, 1984). Психические процессы: познавательные — эмоциональные — регуляторно-волевые (Л. И. Веккер, 1981). Функции общения: информационно-коммуникативная — регуляционно-коммуникативная — аффективно-коммуникативная (Б. Ф. Ломов, 1984). Индивидуальность: индивид — субъект — личность (Б. Г. Ананьев, 1968). Личность: богатство (широта) связей с миром — иерархия мотивов — структура («устойчивая конфигурация главных, внутри себя иерархизированных линий») (А. Н. Леонтьев, 1975).

Образцами трихономии могут служить следующие связки феноменов. Сознание: общественное сознание — индивидуальное сознание — бес-сознательное. Сознание (индивидуальное): чувственная ткань — значение — смысл (А. Н. Леонтьев, 1975). Значение: смысл — денотант — сигнификант (В. Ф. Петренко, 1988). Личностный смысл: свобода — ответственность — духовность (Д. А. Леонтьев, 1999).

Подход «*системные тетрады*» также конструктивно используется в отечественной и зарубежной психологии. Наиболее развернутое их методологическое обоснование в отечественной психологии дал В. А. Ганзен (1984). Субстрат: время — энергия — информация — пространство. Человек: индивид — субъект — личность — индивидуальность. Сознание: мышление — аффект — перцепция — воля. Личность: темперамент — способности — характер — направленность. Тетрадные описания психологических феноменов также часто встречаются и у классиков зарубежной психологии — К. Г. Юнга, Г. Айзенка и др.

Фрагменты, то есть привлечение в тексте сравнительно больших частей из работ других ученых, также используются как структурные составляющие в изложении учебного курса.

Парадигма (от гр. *paradeigma* — «пример», «образец», «паттерн») — господствующая концептуальная схема, стиль мышления, картина мира,

определяющая понимание учеными фрагментов реальности, принятия ими критериев научности и ценностных ориентаций (см. разд. 1.4). В этой книге «*Парадигмы*» — разделы, в которых читателю предложен краткий критический анализ содержания главы. Критическая оценка состава выделяемых учеными научных и практических задач, методологии и методов их решения, ценностные приоритеты, особенности изучения феноменов, по моему мнению, должны способствовать пониманию многогранности каждого психического явления, своеобразия его про-явлений в данных условиях, его связи с другими явлениями. В этих разделах также обращается внимание на неоднозначные научные факты, на локальность освещения феноменов, на динамику их изменений, на роль «косвенных факторов» в описании результатов, в представлении предмета исследования и др. — на все, что так или иначе отражает пристрастность ученых, границы методологии, требования социального запроса и пр.

Заключительное замечание о жанре данной книги. В последние годы вышло много интересных методологически ориентированных работ, предметом которых выступают проблемы психологии и дисциплины в целом (Дорфман, 2005; Василюк, 2003; Корнилова, Смирнов, 2005; Лубовский, 2005; Мазиллов, 2007; Панов, 2004; Юревич, 2005, 2010, и др.). Если данный тип научных работ обозначить как *один из компонентов* триады методологического анализа, то *вторым компонентом* мог бы послужить типичный раздел диссертационных исследований и монографий («Состояние проблемы», «Методологический анализ состояния вопроса» и т. п.). Второй тип рефлексии ориентирован на детальное изучение отдельного, частного вопроса.

Настоящая работа является попыткой обследования и уточнения границ *третьего компонента триады методологического анализа* — локального, частного дисциплинарного методологического анализа (истории становления научного знания в отдельной отрасли, особенности гуманитарного знания и др.); не как традиционное разделение на историю и актуальную современность, а опыт выделения инвариантов и вариативно изменчивых составляющих научного знания. Сущностные особенности *современной* психологии труда, в нашем понимании, заключаются не столько в ее историческом срезе, сколько в актуальных динамичных связях структуры научной дисциплины, ее методологических оснований, понятийного аппарата с формой и содержанием динамичных социальных объектов.

Логика изложения материала учебного курса и композиция учебно-го пособия такова.

Глава 1 направлена на обозначение основных контуров научной дисциплины, выдержана с учетом традиций и позиций авторитетных уче-

ных. Она отражает современное состояние психологии труда. Основное внимание уделяется ее объекту и предмету, содержанию понятий «труд» и «деятельность».

Глава 2 посвящена истории дисциплины и призвана отразить динамику ее развития. «Наука вечна в своем стремлении, неисчерпаема в своем объеме и недостижима в своей цели», — писал Карл фон Бэр. Эта динамика представлена двумя способами — хронологически, как история развития науки через факты, события, задачи, имена, даты; структурно — как процессы ее постоянной дифференциации и интеграции. Внимание уделяется основным факторам развития науки.

В главе 3 рассматриваются основные составляющие психологии труда в широком смысле слова — как «комплекса наук о труде и человеке как субъекте труда»: психология труда (в узком смысле), инженерная психология, эргономика, организационная психология, профориентация, профессиональное обучение.

В главе 4 обсуждаются основные рабочие понятия психологии труда как науки и основные ее единицы — профессия, трудовой пост, рабочее место, их взаимоотношения и характеристики.

Глава 5 посвящена «макроструктуре» научной дисциплины и включает расширенное обсуждение ее объекта и предмета. Здесь же в широком контексте рассматриваются взаимоотношения человека как субъекта с собственной и «противостоящей» ему природой.

В главе 6 рассматриваются методология и методы исследования, эксперимента, экспертизы. Основное внимание уделяется тактике и стратегии деятельности психолога как лица, обеспечивающего встречу науки и практики, специалиста, организующего их эффективное взаимодействие.

В главе 7 рассматриваются параметры обеих полюсов системы «субъект — объект» и системы в целом: условия труда, его эффективность, факторы успешности субъекта труда, а также их детерминанты; баланс и отношения «внешнего» и «внутреннего» в труде человека (мышечная система, физиология, сенсомоторика, когнитивная и эмоциональная сферы). Здесь же анализируются исторические тенденции динамики развития труда.

В главе 8 обсуждается широкий круг вопросов адаптации человека к профессиональной деятельности и его становления как профессионала — условия, факторы, психофизиологическая «цена», уровни и специфические механизмы, «единицы» адаптации. Обсуждаются проблемы и возможности выхода психологии труда за пределы традиционного «масштаба» ее понятийного аппарата.

В главе 9 анализируются вопросы профессиографии и профессионализма субъекта — критерии оценки человека как субъекта и его деятельности.

Рассматриваются критерии понимания профессиональной пригодности человека и контексты ее оценки в исторической перспективе.

Глава 10 посвящена полюсу субъекта — человеку как активному субъекту своей жизнедеятельности, описанию процессов его становления как субъекта деятельности.

В главе 11 в контексте задач психологии труда рассматриваются ставшие актуальными вопросы профессиональной карьеры, возрастной динамики эволюции человека как индивида, субъекта, личности.

В главе 12 обсуждаются вопросы связи научных и прикладных задач, особенности социально-психологических технологий на примере профессионального отбора кандидатов, понимаемого как важная составляющая системы управления персоналом организации (с учетом особенностей деятельности в социономических профессиях, деятельности в системах «человек — техника», «человек — художественный образ», «человек — знак», «человек — природа»). Анализируются разные технологии оценки субъекта деятельности в профессиях разных типов.

В главе 13 рассматриваются вопросы подбора, отбора, профессионального обучения и переобучения, аттестации кадров — принципы, методики и технологии. Акцентируется внимание на историческом смещении логики работы с людьми — от «учета кадров» к «управлению человеческими ресурсами».

Глава 14 раскрывает особенности развития психологии труда как дисциплины в настоящих исторических условиях, особенности поисков и описания учеными новых сущностных свойств предмета психологии труда, определения конфигурации дисциплины, ее актуальных задач.

Сложность излагаемого материала возрастает от 1-й до 14-й главы. Таким образом, читатель, нуждающийся в полной ясности и однозначности, всегда сможет остановиться на время в любой удобной для него части пути. Сложные исторические и культурные процессы взаимоотношений человека с трудом «архивированы» в краткой формуле научной дисциплины: *система «субъект — объект»*. Для изложения материала, не вмещающегося в «каноны», мной используются более длинные цепочки причинно-следственных отношений, привлекаются разные средства отражения. Ближе к заключительным главам я чаще предлагаю читателю нерешенные, открытые, многозначные вопросы дисциплины.

Мне, как автору, также хотелось ненавязчиво передать читателю веру в бескрайние возможности науки, показать, что ее границами чаще выступают лишь возможности «жанра», специфика научных и практических задач, стиль мышления исследователя, доминирующие парадигмы, материальная база науки, личный потенциал ученого (интеллект,

нравственные и волевые качества, убежденность, наблюдательность, профессионализм и многое другое).

Историю академической психологии (в том числе психологии труда) обычно «датируют» годом создания В. Вундтом первой психологической лаборатории (1879) и/или изданием его книги (1881). Эти ключевые события можно также согласовывать с началом издания Г. Эббингаузом первого профессионального журнала (1890), с появлением тезисов полемических работ Ф. Brentano, Э. Шпрангера, В. Джеймса, с первыми публичными лекциями Г. Мюнстерберга и его первыми опытами конструирования тестов для профессионального отбора людей, с первыми опытами профессионального консультирования Ф. Парсонса. Но эти важные моменты истории нашей дисциплины все же вернее понимать как стадию *предыстории*.

Действительная история индустриальной психологии (промышленной, психологии труда), тогда еще пробуждающейся в качестве психотехники, начинается с 1920-х гг. — с момента широкой практики применения психологических методов для профессиональной консультации и профотбора людей в разных странах: Германии, США, России и др. (см.: Геллерштейн, 1926, 1931; Геллерштейн и др., 1929; Lipman, 1923; Schtern, 1911; и др.). Если так понимать историю нашей дисциплины, то в предложенной вашему вниманию книге представлено ее *первое столетие* — первые опыты, поиски, находки, удачные решения, опыт формирования целостного видения человека как субъекта профессиональной деятельности.

Что нас ожидает за горизонтом событий в середине XXI ст.? Какие важные свершения зарождаются и проявляются уже сейчас, на рубеже XX и XXI ст.? Ответы на эти вопросы должны стать темой новой книги. Итак, настоящая книга — о том, что и как делали ученые и практики на протяжении столетия. Нам важно проанализировать этот ценный опыт, чтобы понимать настоящее и уверенно смотреть в будущее.

Я выражаю глубокую благодарность и признательность рецензентам первого учебного пособия (2005) В. А. Бодрову, Е. А. Климову, С. А. Маничеву; рецензентам второго учебного пособия (2015) А. В. Карпову и Ю. П. Поваренкову; Л. В. Винокурову — инициатору идеи книги «Современная психология труда», И. В. Сальниковой — инициатору повторных проектов книги. Приношу свои искренние извинения всем коллегам, сделавшим «добрый задел» в нашей науке, но по разным причинам не упомянутым в настоящем учебном пособии.

В. А. Толочек,
Москва, 20 апреля 2026 г.

Глава 1. Психология труда как область научного знания о труде

Один научный факт я ставлю выше
тысячи мнений, рожденных одним лишь
воображением.

И. П. Павлов

1.1. Объект, предмет, методы и задачи психологии труда

Авторство термина «психология» приписывается Ф. Меланхтону (1497–1560), немецкому протестантскому богослову, употреблявшему его в латинской транскрипции (*psychologia* — «учение», «наука», «знание», «слово о душе»). Греческое написание впервые встречается в труде Рудольфа Геккеля (Гоклениуса) «Психология, то есть о совершенстве человека, о душе и прежде всего о возникновении ее...». В научно-философский язык его впервые ввел немецкий ученый Христиан Вольф в XVIII в. С середины XVIII в. термин «психология» становится общепризнанным.

Длительное время психология не имела самостоятельного научного статуса и оставалась разделом философии, проявляясь в разных концепциях как пневматология, ментальная философия и пр. Довольно долго ее предметная область была избыточно широкой и даже в период становления как самостоятельной дисциплины в XIX и в начале XX в. оставалась темой острых дискуссий, основанием становления разных научных школ и формирования непримиримых позиций.

К концу XX в. предмет дисциплины и ее разных отраслей достаточно точно определился в рамках классической психологии, но выступает еще довольно нечетким и крайне широким в разных течениях неклассической психологии, или неакадемической (трансперсональной, парапсихологии и др.). Однако до настоящего времени психология остается концептуально разрозненной, сохраняющей существенные различия в рамках национальных границ и научных школ (Ждан, 2005).

Объективные затруднения в определении *объекта* и *предмета* научной дисциплины испытывают многие науки, что связано прежде

всего с развитием самой предметной области, методологии, понятийного аппарата и научного инструментария науки. Особенно остро это проявляется в гуманитарных дисциплинах, изучающих быстро развивающиеся социальные феномены, где длительно сосуществуют оппозиционные традиции, в русле которых складываются основные парадигмы — сциентистский и гуманитарный подходы (Мазиллов, 2007; Юревич, 2001, 2005).

Выделению более или менее признанного учеными предмета исследования научной дисциплины обычно предшествует многолетняя активная научная полемика, но и позже эти вопросы остаются одними из наиболее теоретически трудных. Такое состояние науки периодически повторяется. Так, например, было в отношении объекта и предмета общей психологии (см.: П. Я. Гальперин, В. Н. Дружинин, Б. Ф. Ломов, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн и др.), психологии личности (см.: А. Г. Асмолов, Б. С. Братусь и др.), социальной психологии (см.: Г. М. Андреева, А. Л. Журавлев и др.) и других областей.

В психологии труда эта проблема во многом обусловлена следующим: молодостью психологии как науки (официальной датой ее рождения принято считать 1879 г., когда в Лейпциге Вильгельмом Вундтом была создана первая экспериментальная психологическая лаборатория, или 1874 г. — публикация книги В. Вундта «Основы физиологической психологии»); объективной сложностью психики как высшей формы движения материи; недостаточно обширной областью общепризнанных знаний («жесткого каркаса» знаний, по П. Я. Гальперину); историческими особенностями социального заказа; тесной зависимостью науки от динамичности развития общества, промышленных сил, культуры.

Под *объектом* науки понимается область реальности, на изучение которой направлена данная дисциплина. *Предметом* называют те стороны реальности, которыми представлен в данной науке ее объект, являющийся областью пристального интереса ученых в данный исторический период. *Предмет* задается, определяется и ограничивается понятийной системой науки и методами исследования.

Так, например, человек может быть объектом изучения ряда естественных и гуманитарных наук, в том числе и психологии. Соответственно предметом будут выступать фрагменты биологической организации человека (анатомия, физиология, биохимия), его психики и т. д. Но, даже сильно сужая объем изучаемой реальности и выделяя, например, *психику человека* в качестве объекта исследования, мы должны признать, что и психика также может быть предметом изучения разных дисциплин — нейрофизиологии, психофизиологии, психологии развития и др.

Важной определяющей объекта и предмета науки может быть характер *социальной активности человека*. Соответственно им формируются

такие области знания, как этнография, культурология, социология, социальная психология и др., с исторической тенденцией дальнейшей дифференциации, например социология организаций, психология малых групп, психология культуры и т. д. *Труд* как один из основных видов социальной активности человека также является объектом ряда дисциплин: социологии, экономики, физиологии и др. В русле психологии труд человека выступает как объект соответствующей дисциплины — *психологии труда* (ее первых определений как психотехники, индустриальной, промышленной психологии; ее современных разновидностей — инженерной психологии, эргономики; равно как и ее будущих воплощений в новых дисциплинарных рамках).

Понятно, что нередко достаточно сложно определить («о-*предел*-ить») совокупность процессов и явлений, представляющих собой онтологическую целостность, функциональное единство и устойчивость, доступных для научного изучения в данных исторических условиях. Достаточно сложно из онтологической целостности вычленить специфическую совокупность структурных, функциональных и системных связей явлений и процессов, находящихся в постоянном развитии и изменении, изучением которой достаточно полно и успешно можно заниматься в рамках методологических и методических возможностей отдельной научной дисциплины в данное историческое время. Очевидно, что, например, астрономия давно перестала быть только «наукой о звездах», а рассматривает строение и развитие всего класса небесных тел, образуемых ими систем и Вселенной в целом. В силу своего внутреннего развития она уже давно разделяется на специфическую и практическую астрономию, астрофизику, небесную механику, звездную и внегалактическую астрономию, космологию и другие разделы. Очевидно, что и геометрия давно перестала быть «наукой об измерении земли», а изучает весь класс пространственных отношений и форм объектов и их обобщений. Она давно уже перестала быть исключительно разделом математики, а, созревая в ее лоне, становится составной частью других дисциплин (физики, механики, химии, биологии и др.).

Подобная эволюция самой системы теоретического знания присуща и психологии, психологии труда в том числе. Уточнение границ предметной области дисциплины на отдельных стадиях ее исторического развития, как правило, проходит сложно и болезненно. В психологии труда ученые чаще говорят о ее предмете и реже — о ее объекте, что объясняется вышеуказанными обстоятельствами становления дисциплины.

NB. Обратим внимание на парадокс: в современной *психологии труда* изучается не *труд* как таковой, а *профессиональная деятельность*, то есть высокоорганизованная активность людей, встроенная и вклю-

ченная в множество исторических традиций и нормативных регламентаций, предполагающая заблаговременную и длительную подготовку человека, его особый образ жизни, типовые методы профессиональной реабилитации, характеристики профессионального здоровья и др.

Третьей определяющей научной дисциплины выступают *методы исследования*. В психологии труда это наблюдение, опрос, эксперимент, психодиагностика и др. (см. главу 6). Характеризуя психологию труда, специалисты чаще говорят о ней как о *комплексе наук о труде* (Зеер, 2003; Климов, 1988; Носкова, 2004; и др.), что прямо свидетельствует о незавершившемся процессе становления ее предметной области, сопряженного с развитием адекватной ей методологии, методического арсенала и понятийного аппарата.

Четвертой определяющей научной дисциплины выступают постулируемые ею *задачи исследования*, во многом отражающие особенности социального запроса, стадии развития дисциплины и социальных объектов (см. гл. 6).

Обратимся к суждениям авторитетных специалистов. По мнению Е. А. Климова, психология труда есть «система психологических знаний о труде как деятельности и трудящемся как ее субъекте» (Климов, 1988, с. 69). В рамках дисциплины можно говорить о «фактах и закономерностях психики человека, занятого трудом, трудящегося или человека, формирующегося в качестве субъекта труда» (там же, с. 68). Е. А. Климов акцентирует внимание на динамичности эволюции дисциплины, отмечая, что она представляет собой «множество взаимодействующих, возникающих и “сходящих на нет”, дифференцирующихся и интегрирующихся течений, подходов, научных направлений, школ, концепций. И важнейшая задача здесь — не взывать к абстрактной логике, а реально строить глубоко эшелонированную систему, включающую как минимум четыре звена: теоретический поиск, целенаправленные фундаментальные исследования, прикладные исследования... пригодные для практического внедрения разработки» (там же, с. 85). Психология труда должна строиться именно как научная дисциплина, преодолевая объективные сложности в своем становлении. Она не может и не должна «быть чисто прикладной наукой. Поскольку в действительности нет очевидного источника за пределами данной отрасли, который безотказно поставлял бы пригодную для практического приложения в сфере труда психологическую информацию» (там же, с. 85). По Е. А. Климову, именно ориентация на решения задач практики должна выступать организующим «ядром» дисциплины «отрасли психологии, изучающей условия, пути и методы научно обоснованного решения практических задач в области функционирования и формирования человека как субъекта труда». «...Труд по своей природе — условие и звено общественной практики... но это не исключает или тем более делает излишним фундаментальный подход к его психологическому изучению» (там же, с. 85).